

М.Б. Ворошилова, А.П. Чудинов
**ИГРА В СЛОВА: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ УТВЕРЖДЕНИЯ О
ФАКТЕ И ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ¹**

M.B. Voroshilova, A.P. Chudinov
**PLAYING WITH WORDS: CONTEXTUAL ANALYSIS OF STATEMENTS AND
OPINIONS**

Представлен пример комплексного анализа форм утверждения о факте и выражении мнения. Основным принципом анализа стал контекстуальный, то есть отдельные фразы рассматривались в общем контексте статьи, в качестве дополнительного использовался принцип психолингвистический, позволивший подтвердить полученные результаты.

An example of complex analysis of statements and opinions is given. The main principle of analysis is contextual analysis, in other words the phrases were analyzed in the context of the article; the subsidiary principle is psycholinguistic analysis, which helped to prove the validity of the results.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, унижение чести и достоинства, утверждение о факте, выражение мнения, контекстуальный и психолингвистический подход.

Key words: linguistic expertise, humiliation and abuse, statement, opinion, contextual and psycholinguistic approach.

Право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом: в соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. В последние годы при решении юридических споров, связанных с унижением чести, достоинства и деловой репутации, специалисты все чаще обращаются к квалифицированной помощи ученых.

Лингвисты привлекаются для выявления негативных сведений в спорном тексте, их отнесенности к конкретному лицу и установления формы выражения данных сведений. Уже традиционно в судебной лингвистической экспертизе ставится вопрос о разграничении утверждений о фактах и оценочных суждений, которые с точки зрения закона, ответственности не подлежат. «В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» - написано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [<http://base.garant.ru/12138961/#ixzz33arcbWkZ>].

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ: проект № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»

Проблема разграничения утверждения о факте и оценочного суждения не нова в современном научном дискурсе, но яснее от такого она не стала, как справедливо отмечает К.И. Бринев [2009]. До сих пор не выработано единого подхода к решению данного вопроса, в практике написания экспертных заключений по делам, связанным с унижением чести, достоинства и деловой репутации, используются несколько подходов: 1) формально-грамматический, 2) когнитивный, 3) прагматический и др. Но чаще всего эксперты обращаются именно к формально-грамматическому подходу, в рамках которого утверждение понимается как определенная грамматическая категория, связанная с грамматической формой повествовательного предложения [Обелюнас 2012].

Возможно, данный подход логичен и обоснован, так как любое заключение эксперта должно быть проверяемо, а значит должно быть выполнено на базе общепринятых, уже проверенных методов, и именно формально-грамматический подход «узаконен» в российской экспертной деятельности, так как представлен в известной всем специалистам «Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы».

Но наука не стоит на месте и ищет новые, более надежные способы решения той или иной проблемы, многие предложенные в последние годы методы, бесспорно, интересны и заслуживают особого внимания, но в погоне за истиной, за единственно верным инструментом, мы отвлекаем от поставленной перед нами конкретной задачи.

Проанализировав дискуссии ученых по заданному вопросу, мы обнаружили одну закономерность: материалом для научных изысканий становятся зачастую отдельные фразы, выдернутые из контекста, определенные предложения, которые мы пытаемся исследовать «под микроскопом», но мы забываем, что данный вопрос мы решаем в рамках экспертных дел, где мы должны «провести полное исследование представленных объектов и материалов дела», а значит мы должны рассматривать весь текст, всю ситуацию общения.

Зачастую такой подход становится орудием манипуляции, мы позволяем себя втянуть в некую игру, «игру в слова», к сожалению, не всегда честную. Нередко перед нами ставят задачу оценить лишь определенный фрагмент текста, определенную фразу.

Так для проведения лингвистической экспертизы нам была представлена статья И.Пушкаревой «Чайке, Бортникову, Колокольцеву. Свердловская полиция все глубже погружается в «ментовские войны». Новое ПИСЬМО», опубликованная в Интернет-газете znak.com, но предметом судебного разбирательства являлся лишь один фрагмент данной статьи, цитата из анонимного письма, послужившая поводом для ее создания.

Данный фрагмент оформлен автором статьи как прямая речь с указанием источника информации (для убедительности автор в статье в качестве иллюстрации приводит копию данного анонимного письма), следовательно, с точки зрения формы выражения анализируемый фрагмент представляет собой мнение авторов анонимного письма. Но для объективной оценки, мы считаем важным определить значение данного фрагмента в общем контексте публикации.

А значение данного фрагмента (цитаты из письма) в общем контексте публикации определено самим автором статьи, который для представления данного фрагмента неоднократно использует лексему «анонимка», выражающую оценку содержания письма, послужившего информационным поводом (см. данные Большого толкового словаря русского языка).

АНОНИМКА, -и; мн. род. -мок, дат. -мкам; ж. Презрит. Анонимное письмо (обычно порочащее кого-л.). Писать, слать анонимки куда-л. Получить анонимку. В институт пришла а. на кого-л.

Таким образом, автор осознает, что описываемое и цитируемое им письмо содержит информацию порочащего характера, информацию с негативной оценкой, информацию осуждающую, что подтверждается использованием в этом же контексте лексемы «обвинения».

Композиционное расположение данного фрагмента (после лида, наряду с фотографией) позволяет говорить о том, что в тексте статьи автор использует цитату как иллюстрацию, как способ подтверждения своих размышлений.

Таким образом, для полной оценки рассмотренного фрагмента важно учитывать, что, во-первых, в тексте статьи он выполняет лишь функцию иллюстрации, которой форма выражения мнения свойственна, во-вторых, автор статьи дает ярко выраженную, четко определенную оценку информации, представленной в данном фрагменте.

Анализируя материал в целом мы отметили, что в тексте статьи постоянно чередуются фрагменты, одни из которых оформлены как утверждение, другие – как ссылка на мнение авторов письма.

В частности, уже в заголовке статьи автор создает установку на восприятие текста статьи читателем в качестве утверждения. Сам заголовок имеет сложную трехчастную концентрическую структуру, а по своей форме является номинативным. Открывает заголовок наименование адресата письма, на что, в частности, указывает и грамматическая форма дательного падежа: *«Чайке, Бортникову, Колокольцеву»*. Закрывает заголовок наименование самого информационного повода для создания данной статьи (*«Новое ПИСЬМО»*).

Центральная часть же представляет собой классический подзаголовок, выраженный распространенным предложением, излагающим суть: *«Свердловская полиция все глубже погружается в «ментовские войны»*, содержащий авторскую оценку новости. В настоящем тексте особое внимание в данном заголовке привлекает именно расположение подзаголовка. Данный структурный прием «заставляет» читателя воспринимать, интерпретировать его суть как содержание письма.

И важно, что уже в заглавии статьи *«Чайке, Бортникову, Колокольцеву. Свердловская полиция все глубже погружается в «ментовские войны»*. *Новое ПИСЬМО»* информация о «ментовских войнах» в свердловской полиции представлена как УТВЕРЖДЕНИЕ, поскольку предложение - *«Свердловская полиция все глубже погружается в «ментовские войны»* - относится к числу повествовательных и не содержит ссылок на источник сведений или вводных конструкций, свидетельствующих о модальности мнения или предположения.

В первом предложении лида (вводной части текста) информация о том, что *«свердловский полицейский главк все глубже и глубже погружается в коррупционный скандал»* представлена таким образом, что читатели могут понять ее и как УТВЕРЖДЕНИЕ, и как МНЕНИЕ. Это связано с тем, что вводное слово *«похоже»* в данном контексте может быть отнесено только к обстоятельству степени *«все глубже и глубже»*. В таком случае как ФАКТ воспринимается основной смысл сообщения (*«свердловский полицейский главк погружается в коррупционный скандал»*), а сомнения автора относится только к тому, насколько «глубоко» зашел этот процесс.

Выявленную особенность стиля автора данной публикации (чередование форм утверждения и мнения) можно определить как сознательный прием, направленный на дезориентацию читателей, которые воспримут заголовок и первое предложение текста как основное содержание текста. Данное предположение подтверждает анализ последующих за статьей комментариев читателей.

Основная тема комментариев это реальность и необходимость наказаний высших чинов за совершенные ими правонарушения. Отметим, что сам факт совершения правонарушения в данном случае не обсуждается, а признается как факт, свершившийся и не требующий доказательств.

меня терзают смутные сомнения, что кто-то из высших чинов получит реальный срок. Моральный геморрой получит, но не более.

наше очень не спокойное время главку МВД просто необходимо проводить служебные проверки, так как дыма без огня не бывает. Всеравно доля правды в этих

заявлениях есть. За все нарушения должен кто то нести ответственность. Служба собственной безопасности Екатеринбург отличается особой продажностью.

В рамках настоящей экспертизы мы посчитали необходимым подтвердить полученные результаты дополнительными исследованиями, согласившись с высказыванием Иваненко Г.С., что «финальной точкой всех рассуждений и поисков и суда, и лингвиста должно стать создание картины типового, массового понимания текста» [Иваненко, 2012].

Нами был проведен психолингвистический эксперимент. Эксперимент проводился на базе Уральского государственного педагогического университета среди студентов очного отделения специальностей «Связи с общественностью», «Международные отношения», «Безопасность жизнедеятельности»; средний возраст опрашиваемых 19-21 год.

Перед опрашиваемыми после прочтения статьи был поставлен ряд вопросов:

1. Сформулировать основную мысль текст (не более 3-5 слов)
2. Назовите основных действующих лиц
3. Приведите 3-5 слов, характеризующих действующих лиц
4. Приведите 3 ключевых слова, передающий основной смысл статьи

При назывании основных действующих лиц опрашиваемые указывали только фамилию, только фамилию и имя, но треть опрашиваемых – указывала дополнительно должности героев, что, бесспорно, подтверждает важность профессиональной принадлежности при оценке и восприятии главных героев для читателей.

Наиболее частотными оказались фамилии четырех героев: Авсюков, Виноградов, Мезитов и Бабакин. Отметим, что упоминание именно четверки стало самым частотным ответом, его привели 39 % от общего количество испытуемых.

Ответы, представленные респондентами на второй вопрос, мы распредели на четыре тематические группы:

1. «преступление, правонарушение»: *коррупционеры /коррумпированность, преступники, оборотни в погонах, незаконность, мошенники, крышевание, использование должностного положения, взяточничество / взятка* и др.
2. «должность»: *сотрудники полиции / полицейские, высокопоставленные чиновники, менты, начальник – заместитель / указание конкретной должности, правоохранительные органы, силовики* и др.
3. «негативная оценка личности/ негативные черты человека»: *хитрый, жадный, сволочи* и др.
4. В данную группу были объединены все остальные лексемы, которые не удалось классифицировать однозначно.

Наиболее частотными стали лексемы первых двух групп, то есть у опрашиваемых в ходе восприятия материала складывается устойчивый образ представителя полиции, нарушающего закон, что также косвенно подтверждает полученные ранее результаты лингвистического анализа.

Материалы ответов на первый и последний вопрос мы объединили, наиболее частотные ответы представлены в таблице 1.

Слова, определяющие основную мысль текста	% от общего количества испытуемых	Ключевые слова	% от общего количества испытуемых
Коррупция / коррумпированность	42	Коррупционный скандал	33
Полиция	39	Коррупция /	30

		коррупцированность	
Обвинение	15	Полиция	24
Коррупционный скандал	12	Крышевание	18
Ментовские войны	12	Взятки	15
Публичные дома, игорные заведения	12	Обвинение	12

Рассмотрение результатов эксперимента показало, что значительная часть читателей посчитала, что в тексте говорится о коррупции в полиции, что полностью подтверждает полученные ранее выводы.

Читатели четко определяют тематический посыл, заложенный в цитате из письма и содержащий информацию о совершении высокопоставленными силовиками правонарушений.

Ни один из испытуемых не указал на авторство данного тезиса, что подтверждает, что информация в общем контексте статьи воспринимается именно как утверждение о факте, а не выражение чьего-либо мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: Монография. Барнаул, 2009.

Обелюнас, Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиций событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово, 2012.

Иваненко, Г.С. Утверждение о факте: форма и содержание // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика 2012.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов. М., 2004.